

8. ГАБО – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 365.
9. ГАБО – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 964.
10. ГАБО – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 966.
11. ГАБО – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 452.
12. Государственный архив Волынской области – Фонд 46. – Оп.9. – Д. 748.
13. Государственный исторический архив РБ в Гродно – Фонд 1. – Оп.17. – Д. 1243.
14. Леонюк, В. Словник Берестейщини. – Львів: Афіша, 1996. – 360 с.
15. // Наша ніва. – 1908. – № 7.
16. // Наша ніва. – 1909. – № 40.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Мошук А.В.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Еврейская диаспора Польши представляла собой одну из наиболее мощных составляющих политической жизни страны на протяжении всего межвоенного двадцатилетия. Многочисленные, хорошо организованные, особенно на фоне не еврейских политических партий и организаций, пользующиеся поддержкой в своей национальной среде, еврейские политические партии во многом определяли направление развития, как политической мысли, так и политической жизни страны. Степень политизации еврейского населения, особенно молодёжи, была одной из самых высоких среди представителей различных национальностей страны. Для еврейской молодёжи в межвоенной Польше, особенно в 1930-х гг., участие в деятельности молодёжных организаций или политических партий было нормой.

Очевидно, что основная причина такой высокой степени политизации молодёжи заключалась в чрезвычайно острой постановке еврейского вопроса в польском обществе, что побуждало многих евреев искать его решение в политической сфере. Кроме политической и экономической мотивации, не меньшей причиной, толкавшей еврейскую молодёжь в политику, было стремление уменьшить традиционное влияние родителей и религии в семье. Экономический кризис, сильный антисемитизм и строительство независимого польского государства подразумевали, что еврейская молодёжь будет искать выход из сложившейся ситуации не в традиционных взглядах их родителей и в наставлениях раввинов, а в идеологии политических партий как еврейских, так и не еврейских. Традиционно сильная позиция родителей в еврейской семье ослабла в данный период и родители уже не могли повлиять на политические взгляды своих детей. Поэтому такое явление как конфликт отцов и детей в еврейских семьях часто приобретал характер политического противостояния.

Подобные тенденции в трансформации ценностных ориентиров в рамках еврейской традиционной семьи отмечаются уже в конце XIX – начале XX вв. Так, известный исследователь российского революционного движения рубежа веков А. Гейфман, характеризуя мотивы участия в террористических организациях различного толка еврейских женщин, отмечала, что они «... в своих семьях при традиционном социальном укладе закрепощены ещё больше русских женщин. Их готовность к терроризму может частично быть объяснена тем, что, становясь революционерами, они порывали со своими семьями и культурными традициями... Вступая в революционное движение, еврейская девушка не только отрекалась от политических взглядов своих родителей, но и отвергала одну из фундаментальных основ еврейского общества – предписываемую ей традицией роль матери семейства» [1, с. 20].

Другой характерной чертой политической жизни еврейского населения Польши было то, что партии или молодежные движения пытались создать новое общество внутри самой еврейской диаспоры, распространяя свою деятельность далеко за рамки политической идеологии. Такая деятельность подразумевала различные формы общественной работы: от создания начальных и средних школ до проведения различного рода культурно-просветительских мероприятий. Участие в подобных формах политической деятельности, по мнению израильского учёного Э. Мендельсона, «...давало членам партий возможность чувствовать, что они находятся в «новом мире», в противоположность «старому миру» дома и синагоги. Ясно, что таким образом партия выступала и как своеобразная семья для своего члена и как защитник перед светским государством, которое игнорировала интересы еврейской общины. Быть бундовцем или членом Поалей Сиона означало принадлежать к особому миру с его собственными культурными, социальными и экономическими организациями. Поэтому партии играли роль барьера между польскими евреями и антисемитским, католическим и националистическим по своей сути польским государством» [2, с. 36].

Эти две тенденции в изменении мировоззрения еврейского населения, а именно, с одной стороны, стремление реализовать «еврейский вопрос» в различных плоскостях политического процесса, с другой – коренная ломка системы ценностных ориентиров еврейской семьи определяли разновариантность политических идеологий, распространённых в рамках еврейской диаспоры.

В целом можно говорить о том, что еврейская политическая жизнь в межвоенной Польше обладала рядом специфических черт. Во-первых, достаточно широкий спектр политических доктрин, несмотря на гомогенный характер еврейской социальной структуры. Евреи, в отличие от других национальных групп межвоенной Польши, не были представлены ни крестьянством, ни аристократией, что делало невозможным существование политических партий, отражающих интересы данных слоёв общества. Тем не менее, число еврейских политических организаций в независимой Польше было достаточно велико. Данная поливариантность еврейского политического спектра объясняется рядом факторов. С одной стороны, перед еврейской диаспорой межвоенной Польши стояла дилемма о путях решения еврейского вопроса и выбора национального языка (от идеи алии, т.е. переселения евреев в Палестину и создания там еврейского государства, до построения национально-культурной автономии; от иврита до идиша). С другой стороны, вопрос о национальной идентификации приобретал светский, национальный и религиозный аспекты и носил гораздо более острый характер, чем у других национальных меньшинств межвоенной Польши. Принимая за основной критерий данный фактор, мы можем выделить следующие политические партии: религиозно-ортодоксальные (Агудат Израэль, Мизрахи и др.), партии, стоящие на позициях еврейского национализма – сионистские организации различной направленности, социал-демократические партии (Бунд, Поалей Сион левая и др.) и ассимиляторские политические организации.

Во-вторых, особенностью еврейской политической жизни было то, что данные партии не обладали реальной властью в государстве, что приводило к политическому фракционизму. Отсутствие реальной политической власти и идеологические различия почти неизбежно приводили к организационным расколам. С другой стороны, понятие традиционного еврейского единства и тот факт, что антисемиты часто не делали никаких различий среди еврейского населения, так и не смогли привести к политическому единству евреев Польши. Максимум, на что была способна еврейская диаспора Польши, так это признать ведущую роль в вопросе защиты евреев перед лицом антисемитской угрозы польского Бунда. Однако даже в условиях открытой антисемитской

политики со стороны польского государства, Бунд так и не смог сплотить вокруг себя все слои еврейского общества и стать общенациональной партией.

В-третьих, следует так же отметить высокую степень политической мобилизации еврейского общества. Однако не все еврейские партии были массовыми организациями. Некоторые из них, фактически, представляли собой одного человека и пишущую машинку.

Таким образом, политическая свобода, чрезвычайно высокий уровень польского национализма и антисемитизма наложились на процесс снижения влияния традиционного иудаизма внутри еврейской общины, вызванного политикой отделения церкви от государства. Старшее поколение еврейской общины не могло удовлетворить политические запросы молодёжи. Именно поэтому она рассматривала зачастую радикальные политические движения в качестве своего «нового дома», который давал надежду на изменение социальной структуры еврейского общества. Кроме того, тот факт, что традиционная еврейская семья не могла обеспечить экономическое будущее еврейской молодёжи, вследствие ориентации на традиционную религию и социальные обычаи, так же провоцировал её на уход в политику.

Все основные еврейские партии в Польше, за исключением Агудат Израэль, принадлежали к так называемой «новой еврейской политике» [2, с. 43], как они сами её называли. Это говорило о том, что они отказывались от прежней еврейской политической традиции поиска компромисса с властью. «Новый еврей», по их мнению, обладал национальной гордостью и решительно требовал своих прав как еврей и как свободный человек. Поэтому сторонники данных партий не боялись возмущать не еврейскую политическую элиту. Именно такая позиция была положена в основу тактики еврейских лидеров на Парижской мирной конференции, где они отстаивали национальные права евреев даже притом, что такие требования возмущали поляков.

Список цитированных источников

1. Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894–1917 / А. Гейфман – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.

2. Mendelsohn, E. Jewish politics in interwar Poland: an overview / E. Mendelsohn – London, 1989. – 105 p.

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Надольская В.В.

Вольнский национальный университет им. Л. Украинки, г. Луцк, Украина

Распад СССР, развернутые в постсоветских странах процессы государственного строительства положили начало кардинальным изменениям и в такой важной сфере жизнедеятельности общества, как архивное дело. Демократические преобразования создали основу для появления в независимых государствах новых общественных отношений в сфере формирования, хранения и использования документов архивных фондов и государственного управления архивным делом, повлияли на формы и сферу деятельности архивов. Они нашли свое закрепление в законодательной и нормативной базе, разработке и реализации новой государственной политики в архивной сфере. Одной из определяющих тенденций реформирования архивного дела в последние два десятилетия стала ее информатизация, поиск архивами своей ниши в информационной инфраструктуре.

Важным заданием архивистов в сфере информатизации архивного дела стало действенное участие в формировании полноценного информационного пространства